

— Знаю, что ты не сильно пьян, но если продолжишь, завтра голова будет раскалываться, да и пахнуть будешь ужасно, — подумал про себя Гу Чанъань. — Будь ты трезв, вряд ли стал бы со мной так мягко разговаривать. Ладно, все пьяные твердят, что они ничего не выпили.

— Всё равно хочу, — медленно повёл глазами Линь Го и тихо добавил:

— Не дашь — разлюблю.

Гу Чанъань не поверил своим ушам. Пока он пребывал в ступоре, Линь Го выхватил у него бутылку и сделал из горлышка здоровенный глоток.

— Го, что ты сказал? — переспросил Гу Чанъань.

— Сказал, что ты большая собака.

Рядом Е Цин и Си Линь о чём-то горячо спорили, полностью проигнорировав немые сигналы о помощи от Гу Чанъаня.

Тот взглянул на телефон: без трёх минут девять. Хлопнул Лу Мэнбая по плечу:

— Я Го забираю. Счёт оплатил. Вы тоже долго не задерживайтесь.

— А мы в интернет-кафе на ночь собирались, — сообщил Лу Мэнбай.

Гу Чанъань взял куртку Линь Го:

— Го, одевайся. Поедем домой, ладно?

— Не хочу. Я с ними.

— Они сегодня не возвращаются. Поедем ко мне, хорошо?

— Тоже не хочу.

— М-м... Тогда поедем в гостиницу? Там большая кровать, сможешь кататься по ней сколько влезет. Идёт?

Линь Го подумал и кивнул:

— Идёт.

На выходе их остановил вечно недовольный повар. Тот похлопал Гу Чанъаня по плечу:

— Молодой человек, да ты подаёшь надежды! Выйдешь направо, пройдёшь метров двести, и там как раз... Ай-ай-ай, больно!

Хозяин вцепился повару в ухо:

— Не твоё дело!

Гу Чанъань повёл Линь Го вниз, намотал на него шарф, нахлобучил шапку, да ещё и капюшон пуховика застёгнул — получился круглый, как колобок.

— Жарко! — Линь Го пытался стащить шарф.

— На улице холодрыга, духом протянешь. Будь умником.

— Жарко!

— Тише-тише, — Гу Чанъань поймал его беспокойные руки и снова укутал шарф. — Подержишься немного, потом полегчает.

Линь Го надул губы и уставился на него.

Со стороны это смотрелось не как злость, а как самая настоящая дусь. Гу Чанъань потрепал его по голове:

— Ну что, малыш, дуешься?

Он вывел Линь Го на улицу. Так тот повар говорил, кажется, направо...

В номере Гу Чанъань скинул свою куртку и принялся раздевать Линь Го.

— Отстань! — Линь Го замахал руками, не давая расстегнуть молнию.

— Сниму с тебя одежду, а то жарко же, — уговаривал Гу Чанъань. — Давай, помогу помыться, а то завтра протухнешь.

После долгих уговоров ему наконец удалось раздеть Линь Го и, почти на руках, отнести в душ.

Держа в голове принцип «не пользоваться положением», Гу Чанъань во время мытья упрямо смотрел в потолок, избегая взгляда на голое тело. Но тактильные ощущения никуда не денешь — к концу процедуры он уже почти задыхался.

Чистюля Гу Чанъань в этот раз махнул рукой на сомнительную чистоту гостиничного халата. Вытер Линь Го, облачил в халат, уложил на кровать, подложив под голову полотенце в два слоя, и укрыл одеялом.

Приглушив свет ночника до минимума, Гу Чанъань отправился в душ. Сперва обдался горячей водой, затем — прохладной.

Тихо вернувшись, он сел на край кровати и принялся вытирать волосы полотенцем.

Линь Го ухватился за его одежду. Гу Чанъань решил, что тому что-то снится, и успокоил:

— Спи, Го.

— Чанъань... — Линь Го не отпускал.

Гу Чанъань отложил полотенце на тумбочку, лёг на бок, опершись на локоть, и начал гладить Линь Го по спине:

— Что такое? Я здесь.

— Чанъань, спасибо, — Линь Го отстранил его руку.

— Да брось, какие благодарности между нами?

— Правда, спасибо, — тихо проговорил Линь Го, не открывая глаз. — Прости за те слова тогда.

Ты нашёл девушку — это же хорошо. Я не должен был так говорить. Прости, не сердись, я был неправ...

— Я ни с кем не встречаюсь и не сержусь, — улыбнулся Гу Чанъань. — Это я боялся, что ты на меня обижен.

— Не сердись? Тогда почему со мной не разговаривал? — сказал Линь Го. — Лжец. Целый месяц молчал — разве это не обида?

— Не сержусь, малыш, — Гу Чанъань продолжал гладить его по спине. — Разве могу я на тебя сердиться? Спи, Го. Всё обсудим завтра.

— Нет, хочу сейчас, — тихо буркнул Линь Го. — Ты всё равно сердисься.

Гу Чанъань понимал, что Линь Го ещё не протрезвел и, скорее всего, утром ничего не вспомнит.

С улыбкой он ответил:

— Ладно, допустим, сержусь.

— Хм, пару слов сказал — и уже задулся, — Линь Го повернулся к нему спиной. — Жадина, хм.

— Я-то жадина? — рассмеялся Гу Чанъань. — Ты даже объясниться не дал, сам завёлся, назвал меня бессовестным... Кто из нас жадина?

— Ты, ты и есть ты, — пробормотал Линь Го. — Я тебя так люблю, а ты... с бывшей помирился. И почему нельзя было другую найти? Хм...

— Ладно, я жадина, — сказал Гу Чанъань. — Но я с ней не мирился. И ещё в школе говорил: для меня ты самый красивый, на других я и не смотрю.

— Гладко говоришь, — проворчал Линь Го.

Через некоторое время Гу Чанъань решил, что тот наконец уснул. «Не зря говорят, что что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, — подумал он. — Выпить — и все секреты наружу».

Он уже потянулся к выключателю, как Линь Го вдруг перекатился к нему, вжался в грудь и обнял.

— Чанъань, я так по тебе скучал... Больше не буду злить. Не сердись на меня и не игнорируй...

Рука Гу Чанъаня замерла в воздухе, затем медленно опустилась на спину Линь Го. Он нежно гладил её и тихо сказал:

— Не сержусь. Никогда не сержусь. Если ещё раз проигнорирую — буду собакой.

— Ты и так большая собака, — Линь Го прижался к нему. — Чанъань, ты мой первый друг... Настоящий друг. Ты не бросай меня...

— Не брошу. Кого угодно брошу, только не тебя. Правда.

Почувствовав на груди влажное пятно, Гу Чанъань осторожно отстранил Линь Го:

— Малыш, чего это ты? Я что, тебя обидел?

Линь Го снова обнял его, прижавшись лбом к ключице:

— Боюсь, что бросишь. Боюсь, что стану для тебя противным. Ты же наверняка обманываешь...

— Да в чём я тебя обманываю? — Гу Чанъань погладил его по голове. — Что ты такого сделал, чтобы я тебя возненавидел? Хватит уже на меня напраслину возводить.

— Ты меня другом считаешь, а я тебя люблю... Тебе же противно, когда парень к тебе так...

— А тебе разве не противно? Я ведь тоже тебя люблю.

Линь Го продолжал говорить, словно не слыша:

— Раньше меня никто не любил. Мальчишки говорили, что я похож на девчонку, и не хотели со мной играть. А девчонки играли во что-то неинтересное. Я всё время был один... А мне так хотелось, чтобы был друг...

— Хорошо, что ты есть, — Линь Го всхлипнул и икнул. — Но я тебя люблю... Боялся сказать... Подумал бы, что я ненормальный, и бросил бы...

Гу Чанъань гладил его по спине, как ребёнка, убаюкивая.

Голос Линь Го становился всё тише. Гу Чанъань бережно уложил его голову на подушку.

Стёр с его ресниц слезинку, выключил свет и нежно поцеловал в лоб.

— Спасибо тебе, малыш.

Утром солнечный свет, пробиваясь сквозь плотные шторы, слабо осветил комнату. Линь Го повернулся на другой бок, потираясь щекой о подушку.

М-м-м... Удобно... Только когда я купил новую подушку? И тёплую такую...

Он слегка приподнял бёдра, едва заметно покачиваясь.

Что-то не так... В общежитии кровать жёсткая, соломенный матрац, одеяло жидкое — откуда такая мягкость и упругость?

Может, ещё не проснулся? Но странное ощущение не давало покоя. Он медленно приоткрыл один глаз.

Чанъань?

Чанъань!